

В.П.Желиховская

Е.П.Блаватская и теософисты (Заграничные письма)

Париж. 25-го мая (6 июня).
Notre Dame des Champs 46¹.

Берусь за перо, чтоб описать изумительнейшие факты ок[к]ультической силы, какую когда-либо пришлось мне, да, думаю, и всем присутствовавшим, видеть. Но прежде чем расскажу их, должно вкратце упомянуть, в каких обстоятельствах и какого рода особой они совершены. Последняя довольно известна в Европе и России, чтоб надо было долго останавливаться на ее личности; ее стоит только назвать, чтоб пробудить множество соображений в головах всех грамотных людей. Но, к стыду прессы, а ее несчастью, соображения эти в большинстве случаев будут фальшивы, потому что большая часть данных, сообщавшихся о ней в газетах, ложны и весьма часто злонамеренны. Особа эта – наша соотечественница, Елена Петровна Блаватская, о которой, в последние дни еще, «Нов[ое] время» и многие другие газеты сообщали, что она приехала в Париж уничтожать христианство и строить храм Будде². Делать этого ей и ее сподвижникам – членам теозофического³ общества и во сне не снилось! Оба основателя сказанного общества, полковник Генри Олькот⁴ (его президент) и Е.П.Блаватская, слишком уважают свободу совести и убеждений каждого, чтобы касаться их пропагандой религиозных принципов. Один из первых свято исполняемых уставов общества – не касаться религии и политики. Их дело чисто нравственно-философско-научное: искать и добиваться правды во всем; стремиться к достижению возможного человеку усовершенствования; расширения его научных и философских понятий, изощрения сил душевных, всех психических сторон человеческого бытия, если можно так выразиться, и усиленно стремиться к международному братству в самом широком смысле его. В таком смысле, который достигает крайнего, к несчастью, вряд ли возможного на земле идеала: водворения всеобщего мира и упрочения человеколюбия и бескорыстия между всеми людьми в ущерб всем личным чувствам и расчетам. Затем, хотя теософы предоставляют полную свободу каждому члену общества оставаться христианином, мусульманином или просто деистом, ратуя лишь против грубого материализма, но надо сказать правду, что *личные* убеждения его основателей и ближайших сподвижников (главная квартира коих находится в Адияре⁵), равно как и большинства деятелей по другим ветвям, в особенности по всем европейским⁶, основаны на началах буддизма, – что и дало повод к нелепым слухам о пропаганде буддизма в Европе. Высшие учителя братства теософов – индусские махатмы, брамины-отшельники, живущие в горах Тибета, буддисты. До этих высоких, таинственных личностей мало кто имеет доступ. Теософы зовут их «хозяевами». По-английски они называются masters, но название это переведено г-жой Блаватской не *учитель*, а *хозяин* – в более широком смысле, именно потому, что эти глубоко ученые,

---

Статья публикуется по газете: *Одесский вестник*, 1884, №123, 5 июня; перепечатана в журнале: *Ребус*, 1884, №28, 15 июля; 29, 22 июля; подписана «В.Ж.».

См. также письмо В.П.Желиховской (конец апреля 1884 г.) к главному редактору газеты «Одесский вестник» П.А.Зеленому: <http://art-roerich.org.ua/blavatskaya/articles.html>

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

¹ По этому адресу в Париже проживала Е.П.Блаватская.

² В «Новом времени» весной 1884 г. были опубликованы две заметки о Е.П.Блаватской: «Г-жа Блаватская и общество теософистов» (3 апреля, №2909; перепечатано в сокращении: *Московские ведомости*, 1884, №96, 6 апреля) и в номере от 29 апреля (№2933). Сообщение о том, что Е.П.Блаватская «приехала в Париж уничтожать христианство и строить храм Будде», в «Новом времени» или в других газетах нами не обнаружено.

³ Так в тексте.

⁴ Олькотт Генри Стил (Olcott, 1832–1907) – американский юрист, журналист, писатель, издатель, один из основателей и первый президент Теософского общества.

⁵ В Индии, возле Мадраса. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Адьяр (*англ.* Adyar) – город в Индии, недалеко от Ченнаи (до 1996 г. – Мадрас), в котором с 1882 г. расположена штаб-квартира Международного Теософского общества.

⁶ Всех ветвей в обществе теперь 125. – *Примечание В.П.Желиховской.*

одаренные действительно *магическими*, по нашему простому разумению, силами ок[к]ультизма, индийские мудрецы имеют над ними власть и влияние огромное, хотя число избранных, с которыми они общаются сами, более чем ограничено. Их челы, ученики, посвященные ими во многие таинства природы и человеческих сокрытых сил (*forces occults*), поучают преданных им избранных лиц, передают им их волю и желания. Нельзя, однако, обойти молчанием свидетельства *очень многих лиц*⁷, показывающих, что приказания собственно их «хозяина», одного из вышесказанных махатм (которого Е.П.Блаватская⁸ в своих рассказах об Индии, подписанных Радда-Бай⁹, называет вымышленным именем Гуллаба Лал Синга), достигают их совершенно *непосредственно*, посредством особых посланий, находимых ими неожиданно не только в комнатах своих, но и во время путешествий в вагонах и на пароходах. Послания же писаны по-английски или по-французски, никогда не носят почтовых облаток или штемпелей и их конверты совершенно особой формы и бумаги, всегда имеют одинакий¹⁰ иероглифический рисунок какой-то особой, ярко-красной краски. Мне показывали многие такие письма; как они падают с неба, я не видала, но вот что я два раза видала собственными глазами. Мы сидели все вместе несколько дней тому назад, когда некоему м-ру Джеджу, секретарю общества, принесли *с почты письмо из Америки*, которое он *тут же* и распечатал. Но распечатав, прежде всего, обратил внимание не на содержание его, а на несколько подчеркнутых красным карандашом слов и на фразу, написанную на нем вкось тою же краской, подписанную всем хорошо знакомым именем «хозяина». Необходимо принять во внимание, что письмо в Индии или Тибете никогда не бывало. Мне могут возразить, что никто не мешал и нью-йоркскому корреспонденту Джеджа начертить на своем письме красную надпись, как бы от лица «хозяина». Я согласна! Я, признаюсь, и сама подумала в первую минуту то же, но вот что меня разубедило. Дня через два после этого в обычный час снова вошел почтальон¹¹ с письмами... Но прежде я должна упомянуть, что *в это самое время* г-жа Блаватская выслушивала жалобы одного очень молодого человека, гостившего у нее, на его мать. М-р Китлей¹², изволите ли видеть, приехал в Париж нарочно, чтоб познакомиться ближе с самими деятелями теософического общества, доктрины которого ему были хорошо знакомы по чтением. Он оказывался пламенным теософистом и даже отказался совершенно от мясной пищи и вина (теософисты вполне искренние и убежденные все вегетарьянцы из-за уверенности, что кровь животных дурно действует на дух, на высшие способности человека, и не касаются спиртных напитков), чтоб быть достойнее своих примеров и скорее удостоиться *личной манифестации* учителей Тибета. И так, м-р Китлей горько жаловался на свою мать, которая требовала, чтоб он или вернулся к ней в Ливерпуль, или тотчас ехал продолжать свое «путешествие по континенту», предпринятое в гигиенических видах.

– Мать моя до смерти боится, чтоб я не бросил дела и не уехал за вами в Мадрас! – говорил он. – Это с ее стороны эгоизм и недоверие! Я сказал ей, что пока она жива, я с ней не разлучусь; но она хорошо знает, что по-моему весь смысл жизни в теософизме, в ваших учениях; что я горячо желаю жить в центре, где вы сами живете и действуете!..

В эту минуту позвонил почтальон, и в числе многих писем оказалось одно из Ливерпуля от м-рисс Китлей к сыну. Он распечатал его без особой поспешности, но вдруг лицо его приняло изумленно-испуганное выражение и он весь побагровел... На письме слова его матери касательно

---

⁷ Оставляя в стороне самих основателей общества, назову нескольких, как: м-р Джедж – ирландец; Могини – брамин; m-me de Morsier – парижанка; Б.Китлей – англичанин, юрист и пр., которые говорили мне это и показывали такие письма и повеления. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Чаттерджи Мохини (Mohini, 1858–1936) – индийский адвокат, писатель, член Теософского общества с 1882 г.; в 1886 г. выступил против Е.П.Блаватской с клеветническими обвинениями.

Джедж Уильям Куон (Judge, 1851–1896) – американский адвокат, писатель, один из основателей Теософского общества, с 1886 г. Генеральный секретарь американской секции Теософского общества.

Морсье Эмили (1843–1896) – деятельница французского феминистского движения, филантропка, секретарь парижской секции Теософского общества.

Китли Бертрам (Keighley, 1860–1945) – английский теософ, секретарь Е.П.Блаватской.

⁸ Так в тексте.

⁹ Речь идет о книге Е.П.Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана».

¹⁰ одинаковый (*устар.*).

¹¹ почтальон (*устар., нем. Postillion*).

¹² Б.Китли.

уважения и послушания, которыми дети обязаны своим родителям, *были подчеркнуты красным составом, за хорошо известной подписью...* Согласитесь, что мать, ратующая против увлечения сына теозофическим обществом, не стала бы сама его убеждать во всемогуществе пророков?.. Тем не менее, Китлей, может быть, не сразу послушался бы матери, если б тут не вернулся из Лондона президент общества, полковник Олькот, и не спровадил его, приказав исполнить волю родительскую. M-me de M[orsier], секретарь парижской ветви общества (где президентствует известная своим состоянием леди Кэтнесс, герцогиня де Помар¹³), сама рассказывала мне, что *своевременное* письмо «du maitre»¹⁴, – письмо, которое она нашла вложенным вместе с его оригинальным конвертом под крышку другого, постороннего делу письма к ней, – положительно *спасло ее от самоубийства* и заставило всей душой предаться делу теософии. Вот факты. Теперь перейдем к другим, не менее удивительным.

Не буду рассказывать того, что слышала от других о *натуральных феноменах*, производимых адептами, учениками махатм, силою развитых ок[к]ультических знаний; расскажу лишь то, чему сама была свидетельницей и что подтвердят и другие присутствовавшие. 8 мая (ст. ст.) мы все собрались вечером в гостиной маленького помещения, занимаемого в Париже основателями теософского общества и их приближенными. Как всегда сторонних посетителей было очень много, но после полуночи оставался лишь д-р философии профессор Тюрман. Он засиделся, рассказывая нам о неудовлетворительности парижских медиумов, о пустоте заседаний спиритического кружка Leymarie¹⁵, в котором, говорил он, ничего замечательного давно не происходило. Самая заметная манифестация, по мнению его, были недавно слышанные им в заседании спиритов музыкальные звуки, раздававшиеся *в темноте*. Е.П.Блаватская, сидевшая в своем кресле и спокойно раскладывая русский пасьянс, засмеялась, заметив, что на что же для этого темнота?.. «Где нет *обмана*, там темноты не нужно!» И произнеся это, она положила в сторону карты, подняла руку, будто готовясь бросить что-либо в воздух, и прибавила:

– Слушайте!

В ту же секунду со стороны комнаты, в которую она махнула рукой, раздался гармонический звук, как бы арфы или цитры... Он прозвучал и тихо замер в воздухе. Она опять подняла руку, махнув ею в другую сторону, – тот же феномен!.. Вокруг нее все вскочили пораженные, затаив дыхание. Еще в третий раз она махнула рукой, словно разрезая воздух, – на сей раз к потолку на бронзовую люстру, висевшую среди комнаты, и в ту же секунду люстра отозвалась аккордом, будто на всех рожках ее были невидимые струны, гармонично отвечавшие на ее повелительный жест... После этого вечера Е[лена] П[етровна] повторяла несколько раз это явление и раз, 19 мая, в присутствии нескольких лиц, принадлежащих парижской прессе и ученому миру, в числе которых был профессор Оливье, здешнего университета завзятый психолог.

Но это вздор сравнительно с дальнейшим проявлением ее ок[к]ультической власти.

Так, например, 23 мая утром мы снова все вместе находились в приемной в следующем составе. У стола в середине комнаты сидели m-me de Morsier, толкуя с секретарем Джеджем и с брамином Могини (главным проповедником теозофических убеждений, а также и учителем желающих познакомиться с доктринами буддизма) о делах общества, подписывая разные бумаги, дипломы вновь поступивших членов и пр. Направо от них сидела Е.П.Блаватская со своей сестрой; а налево, в двух шагах от стола, полковник Олькот разговаривал с нашим известным писателем Всево[лодом] Серг[еевичем] Соловьевым¹⁶ о действии на него магнетизма, которым почтенный президент теософов лечил его уже несколько дней. По обыкновению в урочный час внесли письма и между прочими одно на имя тетки г-жи Блаватской, гостившей у нее Н.А.Фадеевой¹⁷.

Г-жа Блаватская взяла письмо и, назвав особу его писавшую (что было нетрудно, так как

¹³ Кейтнесс Мария (Caithness, 1830–1895) – французская писательница, руководитель «Теософского общества Востока и Запада» в Париже.

¹⁴ от учителя (*фр.*).

¹⁵ Леймари Пьер Гаэтан (1817–1901) – издатель журнала «Le Revue Spirite».

¹⁶ Соловьев Всеволод Сергеевич (1849–1903) – писатель, поэт, критик, журналист, издатель, автор клеветнической книги о Е.П.Блаватской «Современная жрица Изиды» (1892).

¹⁷ Надежда Андреевна Фадеева (1828–1919) – тетья Е.П.Блаватской, проживала в Одессе и возглавляла первое в России Теософское общество.

рука на адресе была хорошо знакома ей и сестре ее)¹⁸, сказала:

– Хотелось бы мне знать, что она пишет?

– Что ж! Это вам нетрудно: прочтите сквозь конверт, – сказали ей.

– Попробую! – и с этим словом она приложила запечатанное письмо ко лбу.

Кругом шли громкие разговоры по-английски и по-французски; но, несмотря на шум, г-жа Блаватская почти в ту же минуту заговорила, рассказывая сестре по-русски то, что она читала мыслью в письме. Тогда сестра ее обратила всеобщее внимание на то, что она делала, и, подав ей листок бумаги, просила ее записывать, вкратце, содержание письма.

– А! Ты мне не веришь! – засмеялась Елена Петровна. – Хорошо!

И держа левую руку *вместе на запечатанном письме и на поданном ей листке бумаги*, она правой начала быстро писать на последнем попавшимся под руку цветным карандашом, синим с одного конца, а с другого красным. Разумеется, все обратили внимание на происходящее, в особенности В.С.Соловьев, прислушиваясь к тому, что громко сама себе диктовала его соотечественница, духовным оком читая и переписывая русское письмо.

Блаватская кончала словами:

«Кланяйтесь Елене Петровне!!»

– Это вздор! – прервала ее сестра. – Таких церемонных приветствий тебе там, наверное, нет!

– Нет, есть! И чтоб тебе доказать, что я читаю не смысл, а подлинные фразы письма, я несколько его фраз передала *подстрочно*¹⁹, в тех же словах, – твердо отвечала Блаватская. Она подписала *свое* писанье именем писавшей письмо *действительное*, перевернула карандаш красным концом книзу, подчеркнула им свое имя в словах «кланяйся **Елене**» и в ту же секунду сделала внизу на своем клочке бумаги под именем писавшей *настоящее* письмо теософическую, шестиугольную, звезду, прибавив громко с силой непоколебимой воли:

– *Хочу, чтоб эти красные знаки отсюда перешли в письмо на те же места его!*

И энергически ударив рукой по запечатанному посланию, она перебрала его обратно своей сестре со словами:

– Tiens! C'est fait!.. (Возьми! Сделано!)...

Все происшедшее, равно как и содержание того, что Елена Петровна написала, было переведено не понимавшим по-русски. Письмо немедленно передано по принадлежности, и когда г-жа Фадеева его распечатала, содержание его оказалось совершенно таким, каким его передала г-жа Блаватская, некоторые фразы были даже составлены в тех же выражениях; а в словах: «Кланяйся **Елене Петровне**» имя ее было *подчеркнуто красным карандашом, а ниже подписи стояла красная шестиугольная звезда!* И даже росчерк от ее карандаша на клочке бумаги был воспроизведен с точностью фотографического снимка...

Изумительный факт этот тотчас был изложен письменно, засвидетельствован подписями всех присутствовавших и находится в руках пишущей эти строки²⁰.

---

¹⁸ По всей видимости, речь идет о Екатерине Андреевне Витте (1819–1898), проживавшей в Одессе, тете Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

¹⁹ совершенно точно, буквально, слово в слово.

²⁰ См.: ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 80. Л. 4–5.

Опубликован английский вариант этого свидетельства, подписанный В.П.Желиховской, Вс. С.Соловьевым, Н.А.Фадеевой, Э.Морсье, У.Джаджем, Г.Олькоттом: Оксон М.А. [Мозес У.С.] Оккультный феномен в Париже // The Theosophist, 1884, т. 5, сентябрь, Приложение. С. 127 (перепечатано из: Light, 1884, 12 июля). Дата произведенного феномена указана 11 июня, на неделю позже реальной: 23 мая / 4 июня.

Эту историю с письмом Вс. С.Соловьев изложил в очерке «Интересный феномен», который был опубликован в «Ребусе» (1884, №26, 1 июля): «Несколько человек, в том числе и я, случайно собрались у Е.П.Блавацкой часов около 10 утра. Почтальон принес письмо на имя родственницы г-жи Блавацкой, Н.А.Ф[адеев]ой, находившейся в той же квартире, но, вследствие раннего утреннего часа, еще не вышедшей из своей комнаты. Письмо из рук почтальона было положено при всех на стол в приемной комнате, где мы и находились. Е.П.Блавацкая и сестра ее, В.П.Ж[елиховск]ая, взглянув на штемпель и адрес письма, сказали, что оно от общей их родственницы из Одессы. Письмо было не только совершенно заклеено в плотном непросвечивающем конверте, но и на месте печати находилась почтовая марка (как я затем убедился). Е.П.Блавацкая (она была в это утро, по моему замечанию, в очень возбужденном состоянии) неожиданно для всех предложила прочесть это письмо в запечатанном конверте. Затем она приложила письмо ко лбу и стала с видимым усилием громко говорить, записывая в то же время на листе бумаги слова свои. Когда она кончила, то сестра ее выразила сомнение в успешности опыта и сказала, что некоторые подробности, сказанные и записанные Е[леной] П[етровной], вряд ли могут находиться в письме. Е[лена] П[етровна],

Следующий не менее поразительный феномен, к несчастью, происшедший без многих свидетелей, в присутствии лишь близких г-жи Блаватской и г. Соловьева, точно так же засвидетельствован его подписью, препровождаемою вместе с вышеназванным документом в редакцию «Одесского вестника».

Это было на другой день вечером, 24 мая (ст[арого] ст[илия]). В этот день Е.П.Блаватская была нездорова, а потому не могла ехать на заседание теософического общества, которое происходило в отеле графа де Барро²¹ (51 rue de Varenne). Она просила сестру свою засвидетельствовать о ее нездоровье, что та и сделала, отправившись на заседание с президентом общества. Но едва началась конференция, сестра г-жи Блаватской почувствовала сильнейшую головную боль и вместе с тем непонятное, но очень определенное желание вернуться домой. Она тихо заявила об этом сидевшему возле нее В.С.Соловьеву и встретила в нем полное сочувствие в ее желании провести вечер с больной сестрой. Он предложил ей ее тотчас же проводить в ожидавшем его фиакре; они незаметно ускользнули и через десять минут уже были на улице Notre Dame des Champs 46, куда вошел, по приглашению г-жи Блаватской, и Всеволод Сергеевич Соловьев. Они тотчас устроились вчетвером (тут была и Н.А.Фадеева) в той же «чудодейственной» гостиной у чайного стол, и беседа, как, разумеется, и следовало ожидать, вскоре перешла на предметы мистические. У всех их было в жизни много «не снившегося мудрецам», в особенности в жизни Елены Петровны, которую они просили рассказать как можно подробнее о том, как она приобрела свои удивительные ок[к]ультические способности и что такое именно за существа ее удивительные «гуру» – учителя. Рассказывая о них вещи, которые здесь передавать не место, Елена Петровна предложила своим собеседникам посмотреть портрет собственно ее учителя, брамина-мудреца, которого имени она печатно передавать не желает. Она открыла большой плоский, совершенно гладкий медальон, не покидающий ее груди, и все рассматривали, и ощупывали, и взвешивали на руках этот медальон с портретом красками красивого человека с римским профилем, черной, как смоль бородою, и в белом тюрбане. Это односторонний или, вернее, *однопортретный медальон* (таков он и теперь) без малейшего признака места другого портрета в его плоской крышке. Его осмотрели, и Елена Петровна, снова надев его, начала рассказывать, что у нее остался в Мадрасе ее собственный портрет, им же нарисованный. Вдруг в маленьком обществе произошло нечто *странное*, что очень трудно передать словами. Как будто бы воздух стал реже или удушливее, не знаю!.. Что-то положительно спирало дыхание. Елена Петровна закрыла рукой глаза и сказала:

– Знаете! Я чувствую, что у нас сейчас произойдет что-то... Будет какой-нибудь феномен! Он сделает!..

Она подразумевала своего учителя, «хозяина», который, в ее мнении, всесилен, и тут начала предлагать своей тетке, Н.А.Фадеевой, пожелать что-нибудь: чтоб *он* ей принес какую-нибудь вещь, показался бы *сам*...

Но мы все так растерялись, что никто ничего не мог сообразить, а все начали говорить, чтоб *он* сделал или принес, *что хочет*...

В эту минуту г. Соловьев устремил взгляд в одну точку комнаты, говоря, что он видит как бы огненный шар овальной формы, как лучезарное, голубовато-огненное яйцо... Не успел он

видимо, раздражилась этим и довольно резко объявила, что сделает больше. Она начертила красным карандашом на своей бумаге, в конце записанного ею содержания письма, знак, затем подчеркнула одно слово и с напряженным выражением лица, с видимым большим усилием воли произнесла: “Этот знак должен быть в конце письма и это слово также подчеркнуто!”

Затем распечатали письмо: содержание его оказалось тождественным с записанным Е[леной] П[етровной] и при этом мы увидели в конце его в точности повторенный красным карандашом знак г-жи Блаватской и слово, подчеркнутое ею, не только находилось в письме, но и было точно так же подчеркнуто.

Тогда было составлено подробное описание этого интересного феномена и все присутствовавшие под ним подписались.

Обстоятельства, при которых произошел феномен, и все мельчайшие подробности, проверенные мною, не оставляют никакого сомнения в его *чистоте* и реальности. Об обмане и фокусе не может быть речи. Вс. Соловьев. Париж, 10 (22) июня».

²¹ Барро Давид – муж Каролины Барро (1828–1888), французской писательницы, педагога, благотворительницы, теософа.

произнести этих слов, как издали, из передней, в которую дверь была отворена ради прохлады, донесся музыкальный звук, словно кто-нибудь тихо провел рукою по струнам арфы, – точно такой же звук, как все присутствовавшие и прежде уже слыхивали, только полнее.

Раз и другой повторился аккорд и замер...

Сестра г-жи Блаватской встала и вышла в переднюю, ярко освещенную лампой. Нечего и говорить, что все в ней было тихо и пусто. Единственный оставшийся в доме мальчик-слуга, привезенный из Индии, давно спал в кухне за плотно запертой дверью. Теперь поверят или нет этому правдивому рассказу, но вот что произошло. Когда сестра Елены Петровны вошла обратно в гостиную, она застала ее сидящей на прежнем месте между ее теткой и г. Соловьевым, но в то же время она ясно увидела тень или как бы одноцветно серый образ человека, отходившего от нее к стене и там вдруг исчезнувшего... Человек этот или его бестелесный образ был небольшого роста в какой-то мантии и тюрбане. Видение продолжалось всего секунду, но она ясно его рассмотрела и тотчас же заявила о нем, сама очень испугавшись. Едва успокоившись от этих странных явлений, все присутствовавшие были вновь озадачены феноменом совершенно уж очевидным и материальным. Г-жа Блаватская, открыв снова свой медальон, почувствовав, как она сказала, в нем что-то странное, сама обвела всех изумленным взглядом...

В медальоне оказалось не один, а два портрета!

Один был тот же, но напротив него, *крепко вделанный* под стекло в овале его крышки, находился ее собственный портрет, о котором она сейчас рассказывала.

Медальон опять пошел по рукам. Его рассматривали, ощупывали, взвешивали... Сомнения быть не могло: у четверых людей галлюцинация зрения разом немыслима.

Разбудили слугу-индийца и г-жа Блаватская его спросила, где ее портрет, рисованный тогда-то, в Адиаре, учителем (by the Master)?.. «Он остался в Адиаре, в бронзовой шкатулочке в вашем стеклянном шкафу²²», – отвечал мальчик без запинки.

Елена Петровна молча открыла медальон. Индиец чуть не вскрикнул от изумления, но тотчас же, не колеблясь, произнес:

– It's Master who brought it! (Хозяин (учитель) принес его!)

Но этим изумительные происшествия этого вечера не кончились. Когда через четверть часа волшебный медальон, с которого буквально все более *не спускали глаз*, был по требованию сестры ее снова открыт Еленой Петровной, – *ее портрета в нем не оказалось*... Он исчез бесследно и с рамкой, и со стеклом неизвестно как и каким путем... Единственным признаком присутствия кого-то невидимого, распорядившегося так свободно вместимостью закрытого медальона, бывшего все время на виду у всех, были все те же гармоничные звуки, аккорды или гаммы, по временам раздававшиеся с разных сторон. Я должна договорить *все*, хотя признаюсь, заключение мне лично не нравится тем, что несколько напоминает заключительные фокусы престижитаторов²³: в конце вечера, когда полковник Олькот со своими секретарями и с брамином вернулись из заседания и все им начали передавать все случившееся, а В.С.Соловьев встал, чтоб распрощаться и уехать, – *портрет оказался на дне его шляпы*... Он увез его с собою, так как было единодушно решено, что гуру (учитель), или махатма (мудрец), или Master – хозяин, – кто бы он там ни был, – подарил его г. Соловьеву²⁴.

Все это происшествие, носящее для простых смертных характер положительно *чудесный*, *глубоко верующими в учение буддистов теософами* объясняется будто бы *несомненной* способностью астрального тела каждого человека отделяться от его плоти; а так как для этой тонкой, так сказать, газообразной оболочки человеческого бытия (оболочки, сохраняемой, по мнению их, человеком некоторое время и после смерти) нет, как и для души, ни времени, ни расстояний, то она свободно может переноситься в данную минуту туда, куда влечет его мысль и желание, и производить всякие, так называемые, феномены... Так или не так, мы не будем этого разбирать, но заявляем лишь *факты*, которые не могли быть ни обманом (ибо происходили

²² шкафу (*устар.*).

²³ фокусников (*англ. prestidigitator*).

²⁴ Мне передали, что после приезда полковника с его приближенными, Могини, брамин, сейчас же устремил глаза на камин, где стояла шляпа г. Соловьева, и несколько раз говорил, что видит в той стороне мелькающую руку, – но меня при этом не было; я вошла, когда г. Соловьев уже прощался. – *Примечание В.П.Желиховской.*

открыто, при внимательном наблюдении троих присутствовавших), ни тем менее одновременным заблуждением, иллюзией чувств и мыслей, которые в таком случае были бы слишком близки к помешательству.

Что касается первого феномена – передачи содержания письма и знаков красным карандашом, то теософское учение объясняет это самым натуральным образом, простым проявлением силы воли, действующей на магнетические токи, сокрытые в каждом человеческом теле. Вот объяснение, данное по этому поводу г. Олькотом.

В этих случаях полноправной действующей силой является развитая внимательным уходом человеческая *воля*; принцип, присущий, по учению ок[к]ультистов, божественному его, бессмертной душе или духу. Дабы анализировать подобный феномен, нам надо понять, что в числе сокрытых, почти неизвестных и неисследованных сил человеческого бытия существует сила притяжения и перемещения или движения атомов. Так г-жа Блаватская, в данном случае, привлекла, не разъединяя их, атомы краски своего карандаша; слила их со своей нервной или жизненной силой; заставила их проникнуть, пробежать полукругом, подобно электрическому току, чрез свое тело, из правой руки излиться в оконечности левой; проложить себе путь сквозь микроскопические отверстия, необходимо находящиеся в каждой бумаге, и лечь именно на заранее указанные им ее сосредоточенной волей места.

Вот объяснения, данные нам президентом теософического об[ще]ства, которые я передаю, разумеется, не принимая на себя за них ответственности. Что касается верной передачи содержания письма, то это такой обыкновенный феномен ясновидения, что на нем незачем останавливаться.